

Э.Ф.Хандамова (Краснодар)

ПРИНЦИПЫ ИЗУЧЕНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ЛЕКСИКОНА

Развитие лингвистики как науки, быстро схватывающей и закрепляющей общие тенденции развития теории познания, опирается на гуманистические ценности. Поэтому не случайно функциональные модели в семантике и прагматике языка оказываются привлекательными. Антропоцентризм в лингвистике приближает изучение языковых механизмов к человеку. Это находит выражение в появлении когнитивного подхода в исследованиях лингвистов. В центре внимания когнитивной лингвистики оказываются категории: «концепта, категоризации, концептосферы» (подробнее, см. [Попова, Стернин 2001]).

Наиболее близкими по духу исследованиям лексикона человека в отечественной традиции оказались психолингвистика и психосемантика. Психосемантика сформировалась в рамках психологии, хотя и использовала психолингвистические технологии (семантический дифференциал Ч.Осгуда). Основная задача исследования субъективной семантики сводилась к построению моделей языкового сознания различных социальных групп. В основе организации индивидуального лексикона лежат факторы как обобщенные значения, организующие семантические пространства обыденного сознания и определяющие ранжированность значения языковых единиц (см. например, изучение семантического пространства русских фразеологизмов, а также этнических и профессиональных стереотипов [Петренко, 1988]).

Из психосемантической реальности вытекает несколько существенных для лингвистики положений, а именно: каждый человек использует различные модальности, понимаемые как семантика сенсорных систем, т.е. воздействие внешнего стимула представлено в языковом сознании с преобладанием значений визуальной, аудиальной, тактильной, обонятельной и вкусовой модальностей. При этом системы смыслов различных модальностей взаимопроектируемы, а эмоционально-оценочный фактор первичен с точки зрения упорядочения значений внешних стимулов. В лингвистике на это обратил внимание В.И.Шаховский. Известна его гипотеза о бесконечности со-

става речевых, т.е. некодифицированных эмотивов или эмотивно окрашенных единиц, базой которой является потенциальная бесконечность и открытость лингвистических множеств [Шаховский 1987: 10].

Эмоционально-оценочное отношение определяет 'первовидение', т.е. восприятие в любых условиях проходит две стадии – стадию семантическую и стадию собственно перцептивных признаков. 'Первовидение', к примеру, можно объяснить следующим образом: визуально представленные объекты сначала оцениваются целостно (*опасно–неопасно, злой–добрый*), т.е. восприятие имеет допредметное значение. В акте восприятия грубая эмоциональная оценка предшествует категориальной квалификации объекта в вербальном языке, происходящей после прохождения информации через категориальный фильтр сознания [Артемьева 1999].

Для исследования субъективного лексикона существенным оказывается положение об особенностях видения мира разными профессиями. Так Е.Ю.Артемьева указывает на тот факт, что студенты-гуманитарии менее привязаны к конкретным шкалам и конкретным изображениям-ассоциатам, нежели будущие инженеры и физики [1999: 182]. Важным для понимания организации индивидуального лексикона является влияние психических состояний на использование лексики при описании ситуаций. Так, депрессивные рассказывают менее конкретно, определенно, т.е. тревожные, угрожающие стимулы переводятся в разряд 'непонятных', 'неясных'.

Ассоциативность может быть показателем факторов лежащих в основе упорядочения лексических единиц в индивидуальном сознании. Для проверки этой гипотезы был проделан эксперимент, в котором приняли участие студенты 1-2 курсов аграрного университета общим количеством 100 человек. С помощью методик опросника FPI и Басса-Дарка выявлена была группа с высокими показателями агрессивности и невротичности. Общая цель исследования сводилась к установлению влияния аффективных комплексов на построение индивидуального лексикона. Были отобраны две группы по 23 человека: одна экспериментальная, другая – контрольная.

Проводился ассоциативный тест. Предлагались слова стимулы с нейтральным значением: *пустыня, Африка, море*, и стимулы с потенциальной семьей негативной оценки, агрессии: *катастрофа, кулак, сессия*, а также стимулы с амбивалентными возможностями: *тупик, подземелье, собака, дебри*. Общий статистический результат представлен в процентном соотношении значений экспериментальной и контрольной группы.

По первому стимулу *пустыня* из ряда нейтральных стимулов в экспериментальной группе ассоциации, связанные со смертью и страхом, ожидание, страдание получают выраженность, тогда как в контрольной группе в ассоциативный ряд входят *песок, барханы, жара, верблюды, зной*. Соответственно, на стимул *Африка* 13% ассоциаций связано с динамическим значением, а 87% – со статическим, в контрольной группе в 100% случаев преобладают слова со статичным значением. Однако наблюдается разница в доминировании отрицательной оценки (*жара, жажда, москиты, бедность, СПИД, война*) в экспериментальной группе: 74%, против 56% в контрольной группе. Единственный стимул *море* дает относительно одинаковое распределение значений реакций, правда, в экспериментальной группе отклонение в 5% – *шторм, акулы* – незначительно, чем можно пренебречь.

Вторая группа с амбивалентным потенциалом значений дает уже более отчетливое отграничение ассоциаций экспериментальной и контрольной группы. Так на стимул *собака* в экспериментальной группе количество отрицательных оценок: *злая, милиция, шерсть, слюни, зубы, укусы* в два раза превышает данные по контрольной группе. Кроме преобладания отрицательных оценок для экспериментальной группы характерно доминирование ассоциативной лексики с более абстрактными значениями (*животное, друг, охранник, друг человека, спокойствие*), чем в контрольной (*мой лучший друг, мой маленький боксер, друг, мое любимое, друг ласковый пес*). Аффективность детерминирует появление ассоциатов со значением *контрольная, управления (конура, цепь, поводок)*. Наличие аффективного комплекса блокирует непосредственное пе-

реживание, что проявляется в доминировании абстрактной лексики.

Измерение процесса ассоциирования может осуществляться в понятии продуктивность-репродуктивность. Наличие аффективного комплекса блокирует данную способность. Так на стимул *подземелье* в экспериментальной группе преобладают репродуктивные ассоциации: *тьма, сыро, холодно, мрак*. В контрольной же группе имеется тенденция к продуктивным ассоциациям в 13% случаев (*таинственность, пустота, то, куда уходят люди, которые не находят понимания на земле, гномы, драконы, сокровище, пустота под землей*). Для данного процесса характерна также склонность респондентов экспериментальной группы к фиксации в ассоциациях значения внутреннего переживания. 35% респондентов указывают на это (*страдание, страх, отвращение, закрепощенность, жуть, крысы*), тогда как в контрольной группе акцентируются внешние атрибуты ассоциатов (*темно, сыро, грязно, глина, вода, шахта, пещера*).

Акцент психоэмоционального состояния также наблюдается в ассоциатах на стимул *тупик* у респондентов экспериментальной группы: 43% (*безвыходность, страх, растерянность, упасть в отчаяние*) против 17% контрольной группы. Для контрольной группы характерно выражение в ассоциациях желания (18%: *нужно найти выход, искать выход, надо выбраться, дороги*). Эти данные подтверждаются в ассоциациях на стимул *дебри*. 28% респондентов экспериментальной группы указывают на состояние сомнения, тревоги, неразберихи, непонимания, разрушения, увечья, трудности. Однако, основная масса ассоциаций приходится на указание преграды (*камыш, кусты, заросли, густой лес, джунгли, трава, лес*); в контрольной группе – 82%.

Наиболее выражен в плане фиксации значения агрессии стимул *кулак*. В экспериментальной группе ассоциации с этим значением составили 65%, а в контрольной – 56% (*драка, глаз, нос, сила, удар, угроза, лицо, больно, сломанные пальцы*). Нейтральные ассоциации включают *кисть, барин, революционные буржуи, крестьянин, пальцы*.

На стимул *катастрофа* более абстрактными, отвлеченными оказываются реакции из экспериментальной группы. Это реакции типа: *страх, ужас, авария, обломок, горе, смерть, конец света, шок*. Тогда как конкретные включают в себя такие ассоциации, как *немецкий, раненные люди, слезы, траур; тела людей, похожие на куски мяса*. Наибольшее различие между двумя группами составляют ассоциации со значением отрицательной эмоциональной оценки: 32% в экспериментальной против 13% в контрольной группе. Наиболее характерное различие в реагировании наблюдается на стимул *сессия*. Для экспериментальной группы это отрицательная эмоциональная оценка (82%), тогда как в контрольной группе так реагируют только 63% респондентов. Содержание этих ассоциаций составляют: *нервы, провал, проблемы, ссоры, муки, бессонные ночи, запарка, заботы, раздражение, болит голова*.

Современные тенденции в методологии, утверждающие постнеклассическую парадигму, создают основание для проекции на лингвистическую плоскость принципов, отражающих динамичность сознания субъекта, его индивидуального лексикона. В лингвистике в таком случае начинают сосуществовать принципы исследования сложившихся и поддерживающих свое равновесие систем и принципы становящихся или формирующихся систем. А так как языковое сознание человека – это динамическая, становящаяся система, то к ней применимы принципы синергетики. В качестве принципа такого исследования может быть принят метод свободного ассоциирования. А на основании анализа ассоциаций на различные группы стимулов можно сделать вывод, что индивидуальный лексикон в зависимости от психоэмоционального состояния имеет различные особенности связывания или группирования значений слов в семантическом пространстве человека. Так, для отрицательных состояний характерна нагруженность факторов: отрицательной оценки, эмоциональности, абстрактности, репродуктивности, внутреннего, ориентации на прошлое, агрессивности, – в противоположность другому члену оппозиции: положительной оценки, рациональности, конкретности, продуктивности, внешнего, ориентацией на будущее, нормы агрессии. Конечно, в данном эксперименте выявлены лишь

общие тенденции, которые нуждаются в проверке на более обширной и разнообразной выборке, а также в установлении надежности посредством других лингвистических методов и процедур.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артемьева Е.Ю. Основы психологии субъективной семантики. М., 1999.
2. Петренко В.Ф. Психосемантика сознания. М., 1988.
3. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж. 2001.
4. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж. 1987.

Получено 27.03.2002 Кубанский государственный аграрный университет